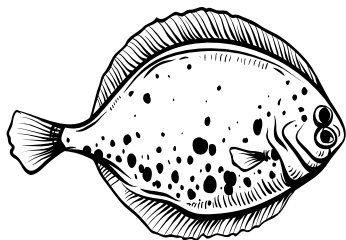

Василий Авченко

Василий Авченко
КРИСТАЛЛ
В ПРОЗРАЧНОЙ
ОПРАВЕ
РАССКАЗЫ
О ВОДЕ
И КАМНЯХ

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А18

Художник Андрей Рыбаков

Предисловие Захара Прилепина

*В книге использованы фотографии
Юрия Мальцева, Вячеслава Воякина,
Олега Авченко и Василия Авченко*

А18 **Авченко, Василий Олегович.** Кристалл в прозрачной оправе : рассказы о воде и камнях / Василий Авченко. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 352 с. — (Прилепин рекомендует).

ISBN 978-5-17-094242-8

«Кристалл в прозрачной оправе» — уникальное, почти художественное и в то же время полное удивительных фактов описание жизни на Дальнем Востоке. «Я всего лишь человек, живущий у моря, — говорит автор. — Почти любой из моих земляков знает о рыбах, море, камнях куда больше, чем я. Но никто из них не пишет о том, о чем мне хотелось бы читать. Молчат и рыба, и камни. Поэтому говорить приходится мне».

Книга вошла в шорт-лист премии «Национальный бестселлер».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094242-8

© Авченко В.О.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

<i>Захар Прилепин. Певец рыб</i>	7
Часть первая. ВОДА	9
Рыбы	16
Иные	61
Вкус восьмидесятых	95
Юг с признаками Севера	107
Япономорцы	120
Марикультурный слой	154
Все вытекающие	172
Часть вторая. КАМНИ	191
Воспоминание о камне	194
Кристалльно чистые	217
Имя камня	253
Застывшая жизнь	289
Обыкновенное волшебство	303
Территории	309
Часть третья. ВОДА И КАМНИ	339
Краткий курс Дальнего Востока. Избранные материалы (рыба, камни и не только)	349

Певец рыб

Иные предсказывают гибель романа: зачем какие-то выдумки, зачем «Иван Иваныч», когда живая жизнь и конкретные люди — много интереснее.

Тут неизбежно возникает контрдовод — прозу зачастую читают не из-за «Ивана Ивановича», а по той простой причине, что это чистое эстетическое удовольствие: наблюдать, как составлены слова и абзацы, подобраны аллюзии и метафоры.

Вы, наверное, догадались, к чему я веду?

Василий Авченко достиг аномальных успехов на выбранном им пути: он пишет нон-фикшн, он певец рыб, праворуких машин, Владивостока, русской истории, странных и увлекательных парадоксов бытия, национальной кухни, национальной езды, национальной географии.

Но, боги, как он это делает!

Это же поэзия в чистом виде. Даже, для кого-то — в лучшем виде. Потому что поэзия многим чудакам кажется бессмысленной. А здесь перед нами — информационная поэзия. И тот редкий случай, когда это ни поэзию не оскорбляет, ни информацию, а идёт на пользу всему названному, и читателю, конечно, тоже.

Читателю накрыли такой стол, что залюбуешься.

Не помню уже сколько лет не было в русской литературе такой вдохновенной книжки: а жанр её — ну сами придумайте. Очерковый роман? Роман с рыбой? Приморская песнь?

Что-то такое, да, что-то такое.

Захар Прилепин

Отцу — геологу, рыбаку, таёжнику

Часть первая

ВОДА

Около двадцати первых лет моей жизни я не замечал моря и не мог сказать, люблю ли я его. Как можно любить или не любить воздух, которым дышишь, воду, из которой, если верить школьным учителям, в основном состоишь? Море всегда было рядом, и мне казалось, что любой город должен находиться у моря — разве не везде так?

Только побывав в городах, лишённых моря, я заметил его. Представьте город, лишённый дорог или домов, — и вы меня поймёте.

Море было привычным и обязательным. Рыба — не только готовым блюдом, консервными банками или морожеными брикетами, но живым существом, знакомым мне в лицо и живущим рядом со мной. Может быть, тем же, чем для деревенских жителей является корова, с той разницей, что рыба — животное не домашнее.

Отец ходил на рыбалку всегда. Осенью ловил селедку, зимой — корюшку, весной — камбалу. Когда ехать далеко не было желания или возможности,

Василий Авченко

шёл пешком «на залив» — Амурский залив, который плещется с западного бока нашего Владивостока. Брал меня с собой — то на Русский остров, то подальше, на реки Суйфун или Лефу (после великого антикитайского переименования 1972 года они зовутся Раздольной и Иистой, но старожилы не признают новых названий). А то ещё дальше — в геологическую экспедицию, где рыбы было не меньше, чем камней. Мы таскали золотистых карасей из полусолёного озера Лебедино у китайской границы, боролись с гигантскими сомами и атлетичными змееголовами Лефу, извлекали из льдистой морской воды гроздьё огуречно пахнущих корюшек, ловили жирных ленивых камбал на мидию, за которой надо было предварительно нырнуть с маской, добросовестно ободрав пальцы о камни и о сами раковины. Но быть рыбаком — значит вести особый образ жизни, который я не веду, предпочитая от случая к случаю увязаться на рыбалку с кем-нибудь из *настоящих*.

В остальное время я существую около. Мои окна выходят на Амурский залив. На том берегу — синие сопки, куда (это уже почти Китай) каждый вечер обречённо и стремительно, как катящаяся с гильотины голова огненного великана, зарывается раскалённый грейпфрутовый шар. Когда встаёт лёд, сахарная поверхность окаменевшего моря покрывается дорожной сетью — тёмными извивающимися ниточками на белом панцире. На этих ниточках

Часть первая. Вода

завязываются узелки-парковки — теперь у рыбаков много машин. Если смотреть на залив утром, до рассвета, цепочки красных и белых огоньков на ещё не видимом льду напоминают загадочные «блуждающие огни» или секретный фарватер из советского фильма. Скоро на заливе возникнут пробки. Как-то я попал в настоящую пробку на льду магаданской бухты Гертнера. Отчаянный рыбак на легковой «пузотёрке» *Nissan Sunny* не мог перебраться через торос, отделяющий море от берега. Железному потоку люксовых японских «крузаков», пафосных американских «тундр» и военно-колхозных отечественных УАЗов пришлось ждать — в других местах выбраться на берег было невозможно даже им.

Когда лёд уже «не айс», праворульные «таун айсы» и «крауны», подобно торпедированным пароходам, уходят под лёд. Дно бухт, окружающих Владивосток, — стоянка (или парковка) человека новейшего времени, человека моторизованного. Иногда за выезд на лёд пробуют штрафовать, но это всё равно что штрафовать за выход на улицу. Кроме машин, на дне толстым культурным слоем лежат блёсны, черпалки, буры (бур в районе скалы-островка Уши утопил и мой отец, когда ломало лёд и приходилось спасаться, прыгая через расходящиеся трещины), теперь — и мобильники. У сегодняшних рыбаков есть интернет с популярным форумом *ulov.ru*, где они делятся опытом: как вчера ловилось «в Воеводе», «на Майхе» или «на Амбе». Какую снасть пред-

В бухте Гертнера. Магаданцы едут с рыбалки

почитает в этом сезоне *зубарь*, какую — *малоротка* и какое расстояние между крючками на самодуре оптимально. Где достать лучшего морского червя, где безопасно передвигаться по льду на «дэлике», как проехать «на Зелёнку» или на «дэ-эр» (место бывшей дисциплинарной роты). В Амурском заливе в черте Владивостока есть остров Скребцова, который все зовут Коврижкой. Подальше — другой островок, он называется Речным, но все зовут его Второй Коврижкой. Пространство между первой и второй Коврижками недипломированные филологи в просоленных тулупах снайперски прозвали Межковрижьем.

Из моего окна видны манёвры групп рыбаков по льду залива, вызванные локальными изменениями динамики клёва. Стоит кому-то вытащить несколько рыбёшек подряд — и его моментально «обу-

Часть первая. Вода

ривают» соседи. Затем срываются со своих мест рыбаки, стоявшие поодаль. Здесь работают законы психологии или даже социологии; очень похоже на движение птичьих стай или рыбьих косяков.

С какого-то времени потребность не в частой, но в регулярной рыбалке появилась — или проявилась — и у меня. В этой потребности есть что-то важное для так называемого современного человека. Она демонстрирует неявную, но прочную связь с чем-то огромным и не очень познаваемым: природа? космос? бог? Ту связь, которая долго была мне, городскому ребёнку, неочевидна. Теперь я точно знаю, что она есть. Рыбалка — чуть ли не единственное, что связывает меня, живущего химерами и условностями, с Настоящим.